Ему удалось спрятаться в какой-то маленькой кладовой на одной из нижних палуб на корме. Там он, свернувшись калачиком, провел в темноте долгие томительные часы ожидания, не слыша ничего, кроме низкого гула вакуумной турбины и шума обтекающего субмарину потока. Судя по тому, как она вертелась и раскачивалась, они пока не погрузились.

Ларри не испытывал голода, ибо успел поесть перед тем, как забраться на борт. Спертый воздух и темнота навевали сонливость. Он заснул.

Когда юноша пробудился, вокруг, разумеется, по-прежнему было темно. Однако наручные часы со светящимся циферблатом показали, что уже утро. Судя по тому, что субмарина шла плавно, она находилась под водой.

Почувствовав голод, Ларри перекусил найденной в кармане плиткой шоколада. Но этого было совершенно недостаточно для молодого человека в расцвете сил, привыкшего к завтраку из ветчины и яиц. В отсутствие привычного кофе началась жажда. Воздух становился все более спертым.

— Что ж, эта дыра и не предназначалась для спальни, — криво усмехнулся журналист.

Он слегка приоткрыл заскрежетавшую дверь и стал нетерпеливо ждать. Бесконечные минуты текли медленно.

Турбина «Нереиды» теперь гудела на высоких, вибрирующих тонах. Хантер гадал, насколько далеко они уплыли... и насколько глубоко.

Боже мой, что за переполох поднимется, когда он явится к остальным!.. Он намеревался выждать, пока субмарина не отплывет подальше. Тогда команда решит, что разворот на обратный курс с целью высадки зайца на берег не стоит хлопот.

К полудню терпение иссякло, сил ждать больше не было. Ларри распахнул дверь, вышел в коридор, прошел через сходной люк на соседнюю палубу и взобрался по лесенке наверх.

Там его встретил желанный запах: еда!

Он проследил путь к источнику запаха — через вращающиеся двери и коридор в форме поплавка к кают-компании. Ларри, крадучись, заглянул

внутрь. За столом сидели несколько офицеров в форме, профессор Стивенс и Диана.

Еще мгновение он смотрел на них, затем набрал в грудь воздуха, толкнул дверь и вошел с жизнерадостным приветствием:

— Доброе утро, господа! Надеюсь, я не опоздал к ланчу!

Его театральное появление вызвало у собравшихся возгласы разной степени изумления. Офицеры уставились на него, Диана открыла рот, а ее отец вскочил на ноги:

— Это тот самый репортер! Что за... что вы здесь делаете, молодой человек?

— Представляю прессу.

Ларри пытался сохранять непринужденно-беззаботный тон, но под буравящими неодобрительными взорами (в особенности одной пары голубых глаз) делать это становилось все сложнее.

— Так вот как вы нас вознаграждаете за эксклюзивную информацию, да? — едко спросил профессор. — Представляете прессу! Скорее, безбилетников! И именно как с безбилетником с вами и поступят!

Он обернулся к одному из офицеров:

— Доложите капитану Петерсену, что у нас на борту безбилетный пассажир, и передайте ему приказ лечь на обратный курс.

Затем обратился к другому:

— Удостоверьтесь, чтобы мистера Хантера отвели на нижнюю палубу и заперли там. Когда доплывем до Нью-Йорка, передадим его полиции.

Офицеры поднялись с места.

— Но, папа!.. — запротестовала Диана, и ее взгляд смягчился. — Не следует так сурово обходиться с мистером Хантером. Он, вероятно, действует по приказу своего начальства.

Ларри с благодарностью посмотрел на неожиданную защитницу, но не мог не поправить ее:

— Нет, я действую по собственной инициативе. Никто не заставлял меня так поступать.

Он не имел права впутывать в это дело главного редактора. В конце концов, это его идея.

— Видишь! — воскликнул старый ученый. — Он сам признался, что это его вина. Очевидно, он превысил свои полномочия и не заслуживает снисхождения.

— Но разве вы не можете оставить меня на борту, раз уж я здесь? — спросил Ларри просительным тоном. — Я немножко разбираюсь в кораблях. Я готов делать любую работу.

— Недопустимо. У нас полностью укомплектованное судно. От вас будет больше помех, чем помощи. Кроме того, я не хочу, чтобы вероятные результаты этой экспедиции сразу попали на суд толпы.

— Я не напишу ничего такого, чего вы не одобрите.

— У меня нет времени проверять ваши записки, молодой человек. Мне хватит по горло моих собственных. Это бессмысленно. Вы тратите воздух впустую — и свой и мой.

Он махнул офицерам рукой. Но прежде чем те успели пошевелиться, в кают-компанию зашел стройный норвежец средних лет — как догадался Ларри, это сам капитан Петерсен. По крайне серьезному выражению его обветренного лица всем стало очевидно, что случилось нечто важное.

Он проигнорировал Хантера, бросил краткий вопросительный взгляд на профессора и, получив разрешение, быстро и четко доложил ситуацию.

Когда они шли на полной скорости, радист получил сообщение с требованием повернуть назад. Он связался с отправителем на той же длине волны и запросил сведения об авторе и мотивах сообщения, однако ответа не добился — предупреждение продолжало повторяться автоматически.

— Сообщение пришло с наземной станции или с корабля? — уточнил профессор.

— Очевидно, с корабля. Наш дальномерщик определил приблизительные координаты: 27 градусов широты, 65 градусов долготы.

— Но, капитан, это ведь тот самый район, куда мы направляемся.

— В этом и загадка, профессор.

— Но... гм, гм! Это и впрямь крайне необычная новость! А я уж собирался повернуть назад вместе с нашим юным импульсивным безбилетником. Что вы скажете по этому поводу, сэр?

Капитан призадумался. Ларри затаил дыхание.

— Повернуть назад, — наконец ответил Петерсен на безукоризненном английском, — значит, по моему мнению, дать отличный повод посмеяться тому, у кого и так чересчур развито чувство юмора.

— Именно! — кивнул Стивенс. Ларри выдохнул с облегчением. — Кем бы ни был этот шутник, мы продемонстрируем ему, что он тратит свои таланты попусту. Пусть даже это означает везти лишний груз весь остаток путешествия.

— Хорошо сказано, — одобрил капитан. — Что касается данной проблемы, думаю, у меня найдется, чем занять мистера Хантера.

— Тогда забирайте его, милости просим.

В приподнятом настроении, хотя и несколько смущенный репортер последовал за капитаном — точнее, намеревался, но запротестовал:

— Подождите, пожалуйста! Я еще ничего не ел!

Когда после закуски Ларри Хантер снова предстал перед Петерсеном, субмарина всплыла на поверхность. Журналисту вручили мощный бинокль и велели занять наблюдательный пост в рубке — обозревать горизонт во всех направлениях в поисках корабля, который мог послать это загадочное сообщение. Но сколько он ни всматривался вдаль через окуляры мощных линз, ему не удавалось разглядеть ничего, кроме дымки над сине-серыми просторами Атлантики.

Близился вечер, когда в бинокли попал новый объект: скопления бурых водорослей, держащиеся на воздушных пузырьках размером с ягоду. Вначале они появлялись вдали, затем все плотнее и все ближе. Ларри понял, что субмарина находится в этих странных водах, известных как Саргассово море, и ощутил трепет.

Вскоре ему приказали спуститься вниз. Тропическое солнце продолжало освещать скопление водорослей — могильный камень древнего народа, как назвал его профессор Стивенс. А «Нереида» погрузилась под воду более чем на сотню морских саженей и плавным ходом прошла под бурым покрывалом.

Ларри стоял в навигационной рубке рядом с капитаном, профессором и Дианой. Перед ними располагалась светящаяся панель в форме креста из пяти квадратов, напоминающего разложенную коробку. На центральном квадрате отображалось происходящее под брюхом субмарины, на левом и правом — соответственно по левому и правому борту, а верхний и нижний показывали вид с носа и кормы, обеспечивая идеальный обзор по всем направлениям.

Это было именно то телеустройство, которое профессор упоминал в интервью; выдвижные глаза зорко обыскивали каждый квадратный дюйм таинственных глубин, по которым они проплывали.

Их внимание привлек центральный экран. На других отображалась толща зеленой воды, а он демонстрировал морское дно с кристальной четкостью, как если бы они вглядывались в чистейшую лагуну через стеклянное дно корабля, хотя на самом деле от дна их отделяло не менее четверти мили.

Для Ларри это было и восхитительным, и пугающим зрелищем, словно кошмар наяву. Фантастическая подводная пустыня из камней и дюн с зияющими то тут, то там трещинами, которые прожектора были не в силах осветить; с периодически возникающими впереди возвышенностями, из-за которых капитану приходилось резко вздымать нос субмарины.

Продолжение следует.

Перевод с английского Евгения Никитина